

3. Агапкина Т. А. Очерки весенней обрядности Полесья / Т. А. Агапкина // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. – М.: Индрик, 1995. – С. 21–107.
4. Аркушин Г. Словник західнополіських говірок: у 2-х т. / Г. Аркушин. – Луцьк, 2000. – Т. 1. – 353 с.; Т. 2. – 457 с.
5. Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – К.: Либідь, 2002. – 664 с.
6. Гроздова И. Н. Заключение / И. Н. Гроздова, А. С. Токарев // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. – М.: Наука, 1977. – С. 337–345.
7. Етимологічний словник української мови: в 7-и т. / [за ред. О. С. Мельничука]. – Т. 1–4. – К.: Наукова думка, 1982–1989.
8. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М.: Наука, 1991. – 507 с.
9. Земцовский И. И. К проблеме взаимосвязи календарной и свадебной обрядности славян / И. И. Земцовский // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. – Л.: Наука, 1974. – С. 147–154.
10. Камінський В. Свято Купала на Волинському Поліссі / В. Камінський // Етнографічний вісник. – К., 1927. – кн. 5. – С. 11–23.
11. Килимник С. Український рік у народних звичаях в історичному освітленні : у 3-х кн., 6-и т. / С. Килимник. – К.: Обереги, 1994. – Кн. 1, Т. 1–2. – 400 с.; Кн. 2, Т. 3–4. – 528 с.
12. Климець Ю. Д. Купальська обрядовість на Україні / Ю. Д. Климець. – К.: Наукова думка, 1990. – 142 с.
13. Костомаров М. І. Слов'янська міфологія / М. І. Костомаров. – К.: Либідь, 1994. – 384 с.
14. Лисенко П. С. Словник поліських говорів / П. С. Лисенко. – К.: Наукова думка, 1974. – 260 с.
15. Пашина О. А. Календарный цикл в северо-западных селах Сумщины / О. А. Пашина // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. – М.: Индрик, 1995. – С. 230–250.
16. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5-и т. / [под общ. ред. Н. И. Толстого]. – Т. 1. – М.: Международные отношения, 1995. – 584 с.; – Т. 2. 1999. – 704 с.
17. Словарь русских народных говоров. – Т. 1–41. – М.–Л. (СПб): Наука, 1965–2007.
18. Словарь української мови / [упор. з додатком власного матеріалу Б. Грінченко]. – Т. 1–4. – К.: Довіра – УНВЦ «Рідна мова», 1996–1997.
19. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начала XX вв. / В. К. Соколова. – М.: Наука, 1979. – 287 с.
20. Токарев С. А. Приметы и гадания / С. А. Токарев // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М.: Наука, 1983. – С. 55–66.
21. Токарев С. А. Эротические обычаи / С. А. Токарев // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М.: Наука, 1983. – С. 98–104.
22. Толстая С. М. Полесский народный календарь / С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2005. – 600 с.

Стаття надійшла до редакції 11.11.2014

УДК 811.161.1-112'23

Галина Яроцька

(Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

«РУССКОЙ РАСТОЧИТЕЛЬНОСТИ»

В статье рассматривается языковая объективация стереотипа русского характера — «расточительства» на лексикографическом материале русского языка XIX века. Многочисленные номинации данного смысла образуют логико-рациональные и ценностные оппозиции с лингвокультурными идеями бережливости и щедрости. Специфика данного противопоставления в русском языковом сознании отражает акцент на моральных ценностях, отрицательное отношение к чрезмерной заинтересованности в личной выгоде,

обогащение, благоустройстве быта (пошлость, обывательщина) и пренебрежение к расчётливости (меркантильность, мелочность). Аксиологические ориентиры русского языкового сознания обнаруживают тенденцию оценивать поведение человека, скорее исходя из мотивов, целей его деятельности, чем по её результатам.

Ключевые слова: аксиология, стереотип, лингвокультура, русская расточительность.

Галина Яроцька. ЛІНГВОКУЛЬТУРНИЙ АНАЛІЗ «РОСІЙСЬКОГО МАРНОТРАТСТВА»

У статті розглядається мовна об'єктивація стереотипу російського характеру – «марнотратства» на лексикографічному матеріалі російської мови XIX століття. Численні номінації даного смислу утворюють логіко-раціональні та ціннісні опозиції з лінгвокультурними ідеями бережливості й щедрості. Специфіка цього протиставлення в російській мовній свідомості відображає акцент на моральних цінностях, негативне ставлення до надмірної зацікавленості в особистій вигоді, збагаченні, благоустрої побуту (пошлість, міщанство) і зневагу до ощадливості (меркантильність, економність). Аксиологічні орієнтири російської мовної свідомості виявляють тенденцію оцінювати поведінку людини, насамперед виходячи з мотивів, цілей її діяльності, а не за її результатами.

Ключові слова: аксіологія, стереотип, лінгвокультура, російське марнотратство.

Galina Yarotska. LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS OF RUSSIAN EXTRAVAGANCE

The article deals with the linguistic objectification stereotype of the Russian character – «waste» in the lexicographical Russian material XIX century. Numerous lexem of this meaning form a logical-rational and value opposition with ideas of thrift and generosity. Specificity of the opposition in the Russian language consciousness reflects the emphasis on moral values, a negative attitude toward excessive interest in personal gain, enrichment, improvement of life and disregard for prudence. Axiological landmarks Russian language consciousness evaluates a person's behavior by the motives, purposes of its activities not by its results.

Key words: axiology, stereotype, language and culture, Russian extravagance.

Одним из стереотипов русского национального характера является представление о тяге к крайностям, к экстремальным проявлениям какого бы то ни было качества. Эта тяга к крайностям (всё или ничего), максимализм, отсутствие ограничителей или сдерживающих тенденций часто признаётся одной из характерных черт, традиционно приписываемых русским. Так, в статье В. А. Плунгян и Е. В. Рахилиной, посвящённой отражению в языке разного рода стереотипов, отмечается, что именно «центробежность», отталкивание от середины, связь с идеей чрезмерности или безудержности и есть то единственное, что объединяет щедрость и расхлябанность, хлебосольство и удаль, свинство и задушевность – обозначения качеств, которые в языке легко сочетаются с эпитетом русский [3, с. 340–351]. К таким качествам мы также относим расточительность, которая приписывается русским наряду с щедростью. Однако прагматическая оценка, присущая этим лексемам, противоположна по знаку: положительное качество щедрость и отрицательное — расточительство, аналогично скупости и экономности. Специфика данного противопоставления в русском языковом сознании отражает, на наш взгляд, акцент на моральных ценностях, отрицательное отношение к чрезмерной заинтересованности в личной выгоде, обогащению, благоустройству быта (пошлость, обывательщина) и пренебрежение к расчётливости (меркантильность, мелочность).

Актуальность проблемы поиска исторических корней аффектации тех или иных идей (в данном случае идеи щедрости/расточительства), представляющих для носителей языка значимые, ценностные смыслы, связана с тем, что языковая концептуализация мира меняется параллельно изменениям в жизни общества, что отражается в происходящих в русском языке семантических сдвигах, влияющих на эволюцию языкового сознания нации.

Целью данной статьи является анализ языковых фактов, фиксирующих идею расточительства. Материалом анализа послужили соответствующие значению

'расточительность' 145 лексем и их словарных толкований, выбранных методом сплошной выборки из СЦСРЯ [5].

Идея расточительства в русском языке XIX века передаётся многочисленными лексемами: это не только лексемы ряда мот и расточитель (мотовка, мотовочка, мотишка, мотище, мотоватый, мотовство, мотоватость, мотовать [5, т. 2, с. 686], расточить – безразсудно проживать имение; проматывать, расточительный, расточитель, расточительница, расточительность, расточительно – с ущербом для имения [5, т. 4, с. 114]), зафиксированные ещё в словарях XI–XVII вв., но и словообразовательные и семантические неологизмы XIX века – мытарить, мытарь, мытарка [5, т. 2, с. 706], размытаренный, размытаривать – мотовством расточать, размытариться [5, т. 4, с. 46], профинтить – промотать [5, т. 3, с. 1201], разбазаривать, разбазаривание, разбазаренный, разбазариваться – мотовски распродавать, расточать имение [5, т. 4, с. 10], просадить [5, т. 3, с. 1167] и др.

С нашей точки зрения, ценностное противопоставление щедрость/расточительство проходит по линии оценки распределения материального ресурса: средства, израсходованные (ср. затратить, затраченные) на нужды и потребности других людей, оказание материальной помощи, поддержки, проявление заботы есть щедрость, тароватость; средства, израсходованные (ср. растратить, растраченные) на удовлетворение собственных потребностей (вербализуемые в лексемах с отрицательной оценочностью роскошь, каприз, прихоть) есть мотовство, транжирство, расточительность.

Внутренняя форма некоторых лексем ряда «расточительность» обнаруживает когнитивную связь с торговлей (разбазаривать) и сбором налогов, который в языковом сознании пересекается с понятиями «плутовство, обман»: ср. мытарь – 1. церк. Сборщик мита, податей, повинностей. 2. простонар. Плутовство, обман [5, т. 2, с. 706].

На семантической эволюции лексем ряда «расточительность» практически не отразилось западноевропейское влияние, характерное для этого периода [2], за исключением заимствованного неологизма транжирить, на истории появления которого в русском языке мы остановимся подробнее.

Глагол транжирить (ср. потранжирить, протранжирить, растранжирить) в значении 'мотать, нерасчетливо тратить, легкомысленно, без толку расходовать' в современном языке воспринимается как слово разговорно-фамильярного стиля. С этим словом связана группа именных образований: транжир – транжира, транжирка, транжирство (ср. транжирничать, транжирствовать), восходящих к заимствованной основе транжир-, пришедшей из французского языка. Интересно, что глагол транжирить не помещен ни в один словарь иностранных слов русского языка, что говорит о том, что уже в XIX в. он не ощущался заимствованным, поскольку явной была его фамильярно-бытовая экспрессия. Впервые слово фиксируется в «Дополнении к опыту областного великорусского словаря» 1858 г. и у Даля: «Транжирить, мотать, расточать, тратить лишнее, безрассудно сорить. Все именье рас(про)транжирил. Транжирка, беспутный мотишка. Транжирство, ср. расточительность, мотовство. Транжирничать, вовсе предаться мотовству» (сл. Даля 1882, т. 4, с. 436) [цит. по 1]. Морфологическая структура этого глагола (образование на -ить) выводила его из привычного круга книжно-деловых заимствований, из чего следует, что глагол транжирить укрепился в русском языке через посредство разговорной речи [1].

У М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Пестрых письмах»: «... Конечно, Божьего добра зря не транжирили, но и не скопидомствовали». У Н. С. Лескова в очерках «Инженеры-бессребренники» (гл. 12): «Кто хочет прожить честно, тот не должен быть **транжиром** и мотом». У П. Д. Боборыкина в романе «На ущербе»: «Но Вогулина не скопидомка, – нет. Тетушка Марфа Ивановна находит даже, что – **транжирка**: деньги текут как сквозь решето...» [цит. по 1].

В. В. Виноградов предполагает, что сначала появляется глагол транжирить, а затем соотносительные с ним существительные: транжирство, транжир, транжирка, транжира. Морфологический строй слова транжирить заставляет связывать его не непосредственно с французским глаголом (тогда возникло бы *транжировать), а с каким-то именем

существительным и прилагательным. Можно думать, что это было франц. *étranger, étrangère* 'иностранный, чужой'; в значении существительного: 'иностранец', 'заграничные страны, чужбина'; à l'*étranger* 'за границей, за границу'. По отношению к этому дворянству, его мотовству дан л'этранже, к этому преклонению перед всем этранже и сложилось слово (э)транжирить. Как показывает его морфологический облик, оно могло возникнуть лишь в среде, далекой от французского воспитания и дворянской французомании, – или в среде старозаветного провинциального дворянства, или в среде дворни.

Слово транжирить могло возникнуть не позднее начала XIX в., поскольку в 30–40-х годах XIX в. оно уже было широко употребительно в литературном языке. Так, И. П. Мятлев в «Сенсациях и замечаниях госпожи Курдюковой» пользуется этим словом не как арготизмом «русских иностранцев», а как русским или обруселым: «В кошельке ужасный тру; А уж далее что будет, Русской думать позабудет. **Протранжирить, промотать**, Вот что Русскому под стать! Что же делать? – виновата: Я по-русски **таровата...**» [цит. по 1].

Указание на связь русского транжирить и франц. *étranger* было сделано Н. П. Гиляровым-Платоновым в его труде «Экскурсии в русскую грамматику» (Письмо третье. Совесть в русском языке): «Не редкость в речении, вместе с наименованием обычая, заимствованного от иностранцев или имеющего вообще отношения к связи с иностранцами, слышать и нравственный суд над обычаем. Таковы фершпилиться и транжирить. Профершпилиться – не просто проиграться; и транжирить – не то, что просто расточить. К профершпилившемуся высказывается презрение и насмешка, чего нет к проигравшемуся просто; **транжирит** – разоряется попусту, безумно, бесчестно; таких качеств **расточительность** приписывается именно проживанию денег за границей, *dans l'étranger*. Обычай **проматывать деньги** за границей осуждается, а отсюда уж всякое безумное **проматывание** сравнивается с этим и называется **транжирением**» (Гиляров-Платонов 1899, т. 2, с. 260–261) [цит. по 1].

Ценностный антипод расточительства – щедрость – в языковом сознании связывается с православной идеей: слова щедрити, щедриться, щедродатель, щедродательствовати, щедротство имеют пометы «церк». Производные щедролубивый, щедролубие, щедрость, щедрота, щедротание, щедротный, мотивированные щедрый – охотно делающий добро, или оказывающий помощь другим, нескупый [5, т. 4, с. 982], а также ассоциируется с понятиями «милосердие» и «помощь», составляющими этические ориентиры русского языкового сознания [4, с. 481–485].

Лексемы с корнем -богат-, входящие в лексико-семантическую группу с интегральной семой «проявление щедрости» (богодавец – подающий щедро, богодательный, богодарный, богодарно, богатитель, богатительница [5, т. 1, с. 132]), имеют пометы «церк.» в СЦСРЯ.

В значении 'качество человека, охотно делящегося с другими, нескупого', выступают лексемы тороватость, чивость, имеющие пометы «нар.», и, соответственно, синонимический ряд формируют прилагательные нескупый, щедрый, чивый [5, т. 4, с. 922], тороватый [5, т. 4, с. 607].

Антонимом щедрости (чивости, тороватости) выступает скупость — чрезвычайная бережливость: скупый – чрезвычайно бережливый, нечливый, нещедрый, нетороватый [5, т. 4, с. 295]. Отрицательные коннотации содержат лексемы скула, скупяга, скряга, скупердьяй, скупердьяка, скупец — «по страсти к стяжанию, лишаящий себя самых необходимых потребностей, скупяга, скряга» [там же]. Неполнота проявления признака в лексемах скуповато, скуповатый, скуповатость противопоставлена крайней степени скупости: скупёхонько – очень скупо, скупёхонький – очень скупой [там же].

Семантика накопительства и скупости объединяет лексемы экономность и бережливость, поскольку речь идёт о сохранении ресурса. Иначе говоря, значение 'сохранность ресурса' – интегральная сема для вышеперечисленных лексем. Противопоставление происходит на ценностном уровне и фиксируется в оценочном компоненте семантики.

Семантическое пространство трат и расходов в русском языке представляет особый интерес. Определяющим для семантики глаголов тратить (1. Издерживать, 2. Употреблять без

нужды [5, т. 4, с. 615]), растратить является пресуппозитивный компонент ценности, то есть тратится нечто ценное, то, что можно беречь, экономить или даже копить. Семантический компонент 'жалко', присутствующий имплицитно в лексеме тратить, противопоставляет глагол синонимам расходовать (расходы), издерживать (издержки). Иными словами, русский глагол тратить вызывает в представлении идею 'тратить напрасно'. Тратить тот или иной ресурс можно только на что-то. Если говорящий считает, что некто X, расходуя ресурс, преследует недостойную цель, то, с точки зрения говорящего, X есть транжира, мот, расточитель, его действия квалифицируются как расточительство, траты. Если говорящий считает, что некто X, расходуя ресурс, имеет достойную цель, то X есть нескупый, щедрый, тороватый, чивый человек, его действия в русском языке исследуемого периода выражены глаголами с семантикой щедрости, милости, помощи: благодетельствовать, милосердствовать, нищекормствовать, пособляти, щедровати и т. д., транслирующими моральную, этическую оценку поведения человека. Отсутствие таких качеств, как щедрость, тороватость и чивость, передаётся однокоренными лексемами с не-: нетороватость, нечивость, нещедрость. Таким образом, представление о «достойной цели» формируется в рамках коммунарных этических ценностей взаимопомощи и сострадания.

Если говорящий считает, что некто X, сохраняя ресурс, отказывает себе в удовлетворении минимальных потребностей, заботясь только об увеличении своего имущества, то X – скупердяй, скула, скряга, скупяга, жидомор. Если говорящий считает, что некто X, сохраняя ресурс, удовлетворяет собственные минимальные потребности, заботясь о пропитании и безопасности, то X – скопидом, бережливый, тщательный, рачительный, старательный, экономный (интересно, что отадъективные существительные, за исключением скопидом, не зафиксированы как номинации лица, обладающего перечисленными качествами). Оценка (качественное прилагательное) выносится с опорой на утилитарные ценности: безопасность, рациональность.

Лексемы, вступающие в антонимические отношения, формируют следующие коррелятивные ряды в языке исследуемого периода: скупость, рачительность, тщательность (=бережливость), бережливость, экономия – расточительство, мотовство, транжирство; жадность, алчность, златолюбие, корыстолюбие – нестяжательство, малотребие, бессребреничество; щедрость, милосердие, тороватость, чивость – жестокосердие, безжалостность, безсердие, безчеловечность.

Таким образом, концептуализация скупости/бережливости и расточительства/щедрости отражает традиционные ценности – в русском языке XIX века актуальными остаются лингвокультурные идеи щедрости – милосердия и бережливости как экономного потребления. Антиценностями являются стремление к обогащению (стяжательство, сребролюбие) и расточительство (мотовство, транжирство, разбазаривание) как бесполезные траты. Аксиологические ориентиры русского языкового сознания обнаруживают тенденцию оценивать поведение человека, скорее исходя из мотивов, целей его деятельности, чем по её результатам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В. В. Виноградов / [отв. ред Н. Ю. Шведова]. – М.: Толк, 1994. – 1138 с.
2. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – 4-е изд. / В. В. Виноградов. – М.: Русский язык, 2002. – 528 с.
3. Плунгян В. А. «С чисто русской аккуратностью...» (к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке / В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина // Московский лингвистический журнал. – Т. 2. – М., 1996. – С. 340–351.
4. Яроцкая Г. С. Аксиогенез экономического сознания в русской лингвокультуре: [монография] / Г. С. Яроцкая. – Одесса: Одесский нац. ун-т им. И. И. Мечникова, 2013.
5. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук: в 4 т. – 2 изд. – СПб, 1867.

Стаття надійшла до редакції 11.11.2014 р.

ТИПОЛОГІЯ ВСТАВНИХ КОМПОНЕНТІВ З ЕВІДЕНЦІЙНОЮ СЕМАНТИКОЮ В УКРАЇНСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРНІЙ МОВІ

Стаття присвячена аналізу вставних компонентів з погляду евіденційної семантики. Визначено структурні та семантичні особливості конструкцій зі вставними компонентами, що вказують на джерело інформації.

Ключові слова: евіденція, вставні компоненти, джерело інформації.

Владимир Яслик. ТИПОЛОГИЯ ВСТАВНЫХ КОМПОНЕНТОВ С ЭВИДЕНЦИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ В УКРАИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу вставных компонентов с точки зрения эвиденциальной семантики. Определены структурные и семантические особенности конструкций со вставными компонентами, которые указывают на источник информации.

Ключевые слова: эвиденциальность, вставные компоненты, источник информации.

Volodymyr Yaslyk. THE TYPOLOGY OF THE INSERTED COMPONENTS OF EVIDENTIAL SEMANTIC IN THE LITERARY UKRAINIAN LANGUAGE

This article is devoted to the analyses of the inserted components from the point view of evidential semantic. The structural and semantic features that indicate the source of information are identified.

Key words: evidentiality, inserted components, the source of information.

У лінгвістиці визначають два способи кодифікації евіденції в мові – граматичний і лексичний. Як вважає А. Айхенвальд, вивчення евіденції можливе тільки в тих мовах, де вона засвідчена граматично – наявні спеціальні афікси та морфологічні форми. На думку мовознавця, лексичні засоби вираження евіденції є не завжди обов'язковими і не утворюють граматичної категорії, а тому є тільки дотичними до вивчення евіденції [6, с. 2]. Іншої думки дотримуються Г. Дівальд і Є. Смирнова, які наголошують, що вираження джерела інформації є однією з прагматичних і комунікативних потреб будь-якої мови, а тому евіденція повинна розглядатись як семантична та функціональна складова кожної мови [8, с. 3]. Якщо у мові евіденція не граматикалізована, то мовець може вказувати (чи не вказувати) на джерело повідомлення за допомогою лексичних засобів та синтаксичної форми конструкцій.

Під джерелом повідомлення розуміємо спосіб отримання інформації мовцем – результат власного сенсорного сприйняття, свідчення інших осіб, здогад, припущення тощо. Можливі два способи доступу до інформації – прямий і непрямий. Семантика прямої евіденції базується на безпосередньому способі отримання інформації, коли мовець був свідком події, про яку повідомляє [7, с. 379]. Непряма евіденція – повідомлення адресанта про подію, очевидцем якої він не був, однак знає про неї з чужих слів чи власних логічних міркувань [там само].

Концепція евіденції як лінгвістичної категорії представлена у її типології. Серед класифікацій джерел інформації варто виокремити типології А. Айхенвальд, Т. Уїллета та В. Плунгяна, які, на нашу думку, найповніше охоплюють різновиди евіденційної семантики. Так, А. Айхенвальд стверджує, що *прямий безпосередній (direct firsthand)* доступ до інформації реалізується завдяки сенсорним відчуттям – візуальному (visual sensory) та не-візуальному (non-visual sensory), а саме: слуху, смаку, нюху, дотику. *Непряме безпосереднє (inferred non-firsthand)* сприйняття інформації реалізується за допомогою інференції (inference) – візуальному сприйняттю не події, а її результатів; припущення (assumption) – інформації про подію на основі фонових знань, пресупозицій. Можливий третій тип доступу до інформації – *непрямий*